

УДК 821.111: 821.161.1
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-149-161

«АДАМ БИД» ДЖ. ЭЛИОТ И «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕКЛИЧКИ¹

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-код: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Статья поступила в редакцию 16.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Проскурнин Б. М. «Адам Бид» Дж. Элиот и «Записки охотника» И. С. Тургенева: идеологические и поэтологические переклички // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 149–161. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-149-161

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. «Adam Bid» Dzh. Eliot i «Zapiski okhotnika» I. S. Turgeneva: ideologicheskie i poetologicheskie pereklichki [“Adam Bede” by George Eliot and “Notes of a Hunter” by Ivan Turgenev: Ideological and Artistic Convergences]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 149–161. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-149-161 (In Russ.)

Рассматриваются идейно-эстетические совпадения и переклички в творчестве двух ведущих писателей второй половины XIX в. Прослеживается, как демократизм мышления, синтез либерализма и гуманизма, свойственные обоим писателям, отражаются на идейно-концептуальном уровне двух анализируемых произведений, оригинально и новаторски вводящих в литературу нового героя из простонародья. Подчеркивается, что основой типологического сближения двух писателей и переклички двух произведений становятся реалистический и аналитический подход к воспроизведению человека и судьбы в динамически меняющемся мире, а также новаторский взгляд на провинцию как социокультурное целое. Демонстрируется, что оба писателя изображают человека в ситуации его нравственной и духовной самостоятельности по отношению к окружающей реальности, в связи с чем Дж. Элиот и И. С. Тургенев возлагают первейшие надежды на человека и на его готовность взять на себя бремя свободы выбора, а значит – на уровень его нравственности, ответственного осознания последствий выбора для себя и мира. Анализируется нравственно-этическое пространство художественных миров двух рассматриваемых произведений, в котором весьма заметны тяготения писателей к либерально-гуманистическим концепциям, что также определяет идеологические и поэтологические совпадения и пересечения при всех национальных, гендерных и социокультурных различиях художников. В статье показывается, что параметры и составляющие этого нравственно-этического пространства анализируемых произведений «поверяются» Элиот и Тургеневым прежде всего образами людей из народа с их природной нравственной целостностью и естественной нравственной красотой. Акцентируется в связи с этим, что важное место в художественной системе произведений занимают пейзажные зарисовки, антропологизированные и нередко этико-философски заостренные. Доказывается, что романтизация образов протагонистов – одна из сближающих авторов художественных позиций. Сопоставительное изучение двух произведений помогает открыть в них некоторые смыслы, которые вне сопоставления не обнаруживались бы столь ярко и значимо.

Ключевые слова: Тургенев; Джордж Элиот; Англия; Россия; роман; цикл рассказов; крестьянство; сравнительное изучение литератур; литературный герой.

Известный английский литературный критик и писатель середины XX в. Уолтер Аллен в книге о Джордж Элиот (*George Eliot*, 1819–1880), считающейся сейчас классическим исследованием творчества писательницы, утверждает: «Джордж Элиот называют первым современным английским романистом. Верность этого утверждения связана с тем углом зрения, с которого вы к этому вопросу подходите. Определенный свет на этот вопрос может быть пролит, когда вы перечислите произведения, появившиеся в Европе в пределах примерно четырех или пяти лет с момента публикации «Сцен из клерикальной жизни» (1858) и «Адама Бида» (1859). Тургеневские «Записки охотника» появились в 1852 г., а его «Рудин» в 1856 г., «Севастопольские рассказы» Толстого и «Госпожа Бовари» Флобера в 1855 г., «Записки из мертвого дома» Достоевского в 1861 г., а «Отцы и дети» Тургенева в 1863 г. Ни одно из этих произведений не имело ни малейшего воздействия на ее творчество; в действительности, можно сказать, что Тургенев – единственный писатель среди выше названных, чьи произведения она читала. Тем не менее, как раз в контексте европейского романа ее времени мы читаем романы Элиот и размышляем о ней, а не в контексте творчества ее чисто английских современников – Диккенса, Теккерея и Треллопа» [Allen 1964: 82].

Джордж Элиот и Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) связывала многолетняя дружба, о чем писали отечественные и зарубежные авторы: математик С. В. Ковалевская [Ковалевская 1986: 314–315] и юрист М. М. Ковалевский [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 144–145], русский писатель и критик П. Д. Боборыкин [Боборыкин 1911: 211–212], англо-американский писатель Г. Джеймс [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 309–321], второй муж Дж. Элиот Дж. У. Кросс [Cross 1885: 290], писатель и критик О. Браунинг [Browning 1890: 128–130] и др. История отношений Элиот и Тургенева сохранила сведения о том, что писатели не раз встречались во время пребывания И. С. Тургенева в Англии в 1872 и 1878 гг. О первой тепло вспоминает сам И. С. Тургенев, когда в письме от 30 ноября 1872 г. к переводчику и издателю русской литературы в Англии У. Рольстону просит его передать приветы Дж. Элиот и Г. Дж. Льюису (см.: [Тургенев 1965: 367–368]). А. Г. Джеймс и особенно О. Браунинг весьма подробно освещают встречу Элиот с Тургеневым в имени Беллока Холла, мужа сестры тогда еще личного секретаря писательницы и Дж. Г. Льюиса Дж. У. Кросса [Browning 1911: 128 – 130].

Как бы ни был любопытен сам факт личного знакомства двух великих писателей мировой ли-

тературы второй половины XIX в. и как бы он ни притягивал внимание, гораздо важнее другой вопрос: почему же так сблизилась Дж. Элиот и И. С. Тургенев? Каковы социокультурные, литературные и прочие причины их дружбы и – главное – какие основания для такого глубокого взаимопонимания есть в творчестве обоих писателей? Какие художественные переключки есть в их творческих практиках? Как они проявляются в идейно-художественном целом двух произведений, обозначенных в заглавии статьи? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Начинать, вероятно, надо с совершенно очевидной общности подходов к действительности и ее отражению в литературе, с острого понимания обоими мастерами того, как стремительно меняется жизнь и какие важные процессы происходят в структуре общества, как российского, так и британского. Например, демократизация жизни, обретение «социального голоса» новыми слоями общества, появление нового героя в жизни и литературе. Так, Элиот и Тургенев были едва ли не первыми в своих национальных литературах, кто сделал полновесных литературных героев из крестьян: имеются в виду «Записки охотника» (1847–1852) и «Адам Бид» (*Adam Bede*). Крестьяне в их произведениях представлены не как фон и «колорит», не как объект добродушно-сниходительного изображения и т. п., а как героическое, страдательное, но одновременно оптимистическое сословие. Наверное, и этим тоже объясняется особая популярность романа Дж. Элиот «Адам Бид» в дореволюционной России с ее крестьянством как главной социальной силой: девять переводов и изданий в разных форматах и под разными названиями за полвека – с 1859 по 1909 г. (об этом и о рецепции творчества Элиот в России позапрошлого века см.: [Proskurnin 2016: 261–274]).

В дневниках и письмах Дж. Элиот, нами просмотренных (хотя, несомненно, здесь требуется более тщательная работа, нежели мы провели), не обнаружено прямых свидетельств того, что она читала тургеневские «Записки охотника», но мы вполне можем предположить, что английская писательница могла прочитать некоторые рассказы и очерки из книги Тургенева, так как история переводов произведений этого цикла начинается уже в 1854 г., когда в журнале «Фрезерс мэгэзин», весьма авторитетном в те времена, не только впервые упоминается цикл, но и даются в переводе весьма развернутые отрывки из книги, и в 1855 г., когда в журнале Ч. Диккенса «Вседневные слова» (*Household Words*), в четырех его выпусках, были опубликованы полные переводы четырех рассказов цикла (о рецепции «Записок охотника» в Англии подробно писал М. П. Алек-

сеев в работе «Мировое значение "Записок охотника"» [Алексеев 1959]). О необычайно высокой популярности Тургенева, его личности и его произведений в Англии писал М. Б. Фёклин в книге «Тургенев в Англии» (см.: [Фёклин 2005]), отмечая мощное воздействие русского писателя на интеллектуальную часть английского общества, что увенчалось присвоением ему в 1878 г. звания Почетного доктора Оксфордского университета.

Итак, истории русской и английской литературы показывают, что оба писателя вошли в анналы мировой литературы как зачинатели социо-аналитического и психолого-аналитического подходов к крестьянской (деревенской) теме, как новаторы с точки зрения воспроизведения жизни провинции, представляемой как единый социум, той жизни, которая, по У. Аллену, по крайней мере в английской литературе, долгое время была «весьма маргинальной с точки зрения большого мира» («quite marginal to the great world») [Allen 1964: 91]. Думается, что это справедливо и в отношении Тургенева; неслучайно в одной из лучших отечественных биографий Тургенева Ю. В. Лебедев полагает, что писатель совершил «коперниковский переворот в художественном решении темы народа» [Лебедев 1990: 96]. Думается, однако, не только пионерство в новом прочтении деревенской жизни и крестьянских образов позволяет поставить имена Элиот и Тургенева рядом, в особенности – сравнивать «Адам Бид» и «Записки охотника». Основой типологического сближения двух писателей (а значит, и этих двух произведений) становится особый взгляд на человека и его роль в динамически меняющемся мире. Об этом хорошо писал В. А. Недзвецкий, имея в виду И. С. Тургенева, но мы вправе отнести его мысль и к Дж. Элиот с ее сосредоточенностью на проблемах жизненного призвания своих героев и их драматического вписывания в эту динамику. Исследователь считает, что Тургенев, выстраивая художественный мир своих произведений, исходил из «естественности автономизации человека и его духовно-нравственных представлений (исканий, идеалов) (в особенности – от патриархальных и патерналистских социумов) [Недзвецкий 2011:12]. По его мнению, это «общейсторическая закономерность, присущая в определенные эпохи всем народам», когда на социальную авансцену выдвигаются новые силы, а значит, и новый герой, самостоятельный, деятельный, с «развитым личным сознанием» [там же]. В подтверждение этих размышлений литературовед цитирует письмо И. С. Тургенева Полине Виардо: «Пусть я всего лишь атом, но все-таки я сам себе господин» [цит. по: Недзвецкий 2011: 23].

И. С. Тургенева называют одним из ярчайших либералов среди русских писателей, а либерализм, как известно, основывается на провозглашении высшими ценностями права и свободы каждого отдельно взятого человека, полагая их социальной, политической, моральной и правовой основой общественного и экономического порядка. Свобода человеческого духа становится мерилom истинной человечности индивида в системе либеральных построений, синтезируя либерализм и гуманизм. И в этом отношении мысль Тургенева, сформулированная в процитированном письме к Виардо, как нельзя лучше укладываются в доминанту либерализма. Произведения Дж. Элиот, по верному замечанию современного исследователя ее творчества Тима Долина, по сути «воплощают средневикторианский либеральный гуманизм». Более того, он полагает, что «ее реализм... отчетливо либерален по своей эстетической форме» [Dolin 2005: 110]. У. Аллен называет господствующим методом у Дж. Элиот в воспроизведении человека в мире «нравственную реалистическую модель» (the moral realist model) [Allen 1964: 33]. Исследователи справедливо видят специфику либерализма Элиот в целом ряде позиций писательницы, в особенности – в ее понимании того, что такое «хорошее (т. е. по-настоящему либеральное. – Б. П.) общество». Для Дж. Элиот такое общество – не только «то, которое очевидным образом обращено к социальной справедливости, равенству, свободе и прогрессу», но и общество, в котором «индивидуальная свобода испытывается [институтом] ответственности» [Dolin 2005: 111], а также свободой других (окружающих) (по Дж. С. Миллю), равно как и отношением к традициям и прошлому. Это особенно важно для Элиот, и об этом она писала в эссе 1856 г. «Естественная история немецкой жизни». Анализируя книгу историка Вильгельма фон Рейла об истории немецкой культуры, Элиот соглашается с ее автором, который рассматривает европейскую культуру (а под ней он понимает жизнь во всех – социальных, духовных и материальных – ее проявлениях) как «инкарнацию истории» и полагает, что «любая попытка отделить ее от исторических элементов будет просто деструктивной для ее социальной жизнестойкости (vitality). То, что сложилось исторически, может умереть только исторически» [Eliot 1999: 281]. Можно определенно утверждать, что Элиот – противник каких-либо радикальных социальных, не говоря уже об аспекте нравственности, движений и изменений; будучи, как и большинство викторианских мыслителей, прогрессисткой, тем не менее, она опирается на столь свойственную английской либеральной мысли идею постепенности (*gradualism*),

прагматичности и мелиоризма. Сюда необходимо добавить мысль Элиот о том, что человечество (особенно в сфере нравственности) развивается медленно, хотя и поступательно, а потому человек нередко опережает мир и общество (и эта скоростная разновеликость человека и мира в движении по координате прогресса тоже неизбежна и столь же неизбежно порождает конфликты). Вот почему Элиот нередко смотрела на свое время сквозь призму «беспристрастного порядка вещей, который более чем часто разрушает человеческие намерения и желания» [Paris 1970: 12], а то и сквозь призму неизбежного драматического (и даже трагического) противостояния динамичного и статичного, внутреннего и внешнего, между страстными импульсами и нуждами стремящегося вперед человека и этим бесстрастным порядком вещей [ibid]. Подчеркнем: всякий раз необходимо добавлять в «коктейль» сложных мировоззренческих установок Элиот витальность (*vitality*), почерпнутую ею из работ современников-позитивистов (в том числе и гражданского мужа Дж. Г. Люиса). Как известно, и И. С. Тургенев не чурался идеи некоей надвременной «жизненной силы», которая в числе прочих управляет человеческим существованием, о чем любопытно рассуждают В. Д. Давыдов (см.: [Давыдов 2015]), в известной степени Г. Б. Курляндская (см.: [Курляндская 2004]), Е. М. Коньшев (см.: [Коньшев 2013]) и некоторые другие отечественные тургенеvedы. А американский руссизм Томас Ньюлин вообще озглавливает одну из своих статей «Термодинамика желания в “Записках охотника” Тургенева», обыгрывая русское слово «охота», имеющее также и коннотацию хотения, желания, и английское *desire* (желание). Исследователь видит в связующем рассказы и очерки цикла многозначном понятии «охота» некий витальный смысл, полагая, что страсть к Полине Виардо в момент написания книги способствовала этой самой термодинамике, определяющей не только динамику сборника, но и динамику жизни как таковой (см.: [Newlin 2013]).

Заметим также, что И. С. Тургенев рассматривал свободу человека не как некую чистую и абсолютную данность, а как нечто, неизбежно связанное с определенными необходимостями, прежде всего – с необходимостью свободного выбора (свободой воли, по Тургеневу) в ситуации нравственного и духовного неслияния человека с миром, т. е. его самостоятельности по отношению к окружающей реальности, едва ли не экзистенциальной по своей сути. (Об известном предугадывании экзистенциализма в творчестве писателя пишет, например, Г. Б. Курляндская в статье «Всемирная гармония в творчестве Турге-

нева» (см.: [Курляндская 2004].) О сложной трактовке центрального для парадигмы либерализма понятия «свобода» в творчестве Тургенева (на примере стихотворений в прозе) весьма полемично рассуждает В. М. Головкин в одной из статей (см.: [Головкин 2014]). Так, исследователь подчеркивает, что диалектика свободы и необходимости у Тургенева «была ориентирована на обоснование нравственных ценностей, активности человека, на утверждение гуманистических идеалов» [Головкин 2014: 45]. Опираясь на метафорические образы, почерпнутые у Тургенева, В. М. Головкин пишет далее: «В концепции свободы и необходимости Тургенева нельзя отрицать и трагическое начало: осознание необходимости уже потому невозможно, что с «человеческой» точки зрения в определяемых ею закономерностях трудно уловить, куда и во имя чего «высокая и костлявая старуха» и «женщина... могучая... с мышцами, как у Геркулеса, «толкают» вперед «небольшую худенькую девочку» – Свободу» (Головкин 2014: 46).

В этом смысле оба писателя – и англичанка Элиот, и русский Тургенев – возлагают первейшие надежды на человека, на его готовность взять на себя бремя свободы выбора, а также – на уровень его нравственности как таковой, насколько человек ответственно осознает последствия своего выбора, причем не только для себя, но и для окружающих. Вот почему так важно понимать то, что можно было бы назвать нравственно-этическим пространством творческих практик обоих писателей, вернее – художественных миров двух рассматриваемых произведений, где весьма заметны точки идеологических и поэтологических совпадений и пересечений.

Начнем с того, что эти пространства характеризуются прежде всего *общечеловеческим* измерением, именно оно, а не социально-критическое начало, преобладает; более эксплицированно – у Дж. Элиот (неслучайно, повторим, ее реализм традиционно называют «моральным» [Williamson 2017: 33]), поскольку в «Адаме Биде» она рисует английскую деревню и поместье сквайра как нравственно единый организм (*organic body* – в терминологии самой Элиот, вслед за Г. Спенсером, идеи которого в значительной степени были близки писательнице), если вспомнить ее рассуждения о деревне, крестьянах, помещиках, климате и географии Германии и ее разных частей в уже упоминавшейся рецензии на «Естественную историю немецкой жизни» Рейла (см.: [Eliot 1999]); менее эксплицированно – у Тургенева, в силу его художественно воплощенного остро неприязненного отношения к крепостничеству. У Дж. Элиот это пространство определено ее евангелическим прошлым (где

изначально акцент делался на прагматических морально-нравственных составляющих христианства), либерализмом, а также возникшей после знакомства с трудами Д. Штрауса и Л. Фейербаха так называемой «религией гуманности» как проявлением новой этики, ее обретенной, секулярной по содержанию, но облеченной в некие религиозные одежды. (При всем том, что уже в 1842 г. Элиот открыто заявила о том, что отказывается посещать церковь, и с тех пор стояла на внецерковных позициях, но никогда не осуждала верящих в Бога, к какой бы конфессии они ни принадлежали.)

У И. С. Тургенева, по крайней мере на раннем этапе творчества, этико-нравственное пространство определено не только общегуманистическими ценностями, но и дворянско-либеральными взглядами, а также его своеобразным христианством, преломленным в идее всемирной гармонии (по Г. Б. Курляндской), с которой должна сопрягаться и сопрягается жизнь каждого человека независимо от социального положения.

Причем важно, что параметры и составляющие этого нравственно-этического пространства «поверяются» у Элиот и Тургенева – в анализируемых произведениях совершенно точно – прежде всего образами людей из народа. У Джордж Элиот мысль о художественном сопряжении самых высоких нравственных понятий с жизнью тех, кого по-английски называют «humble people», идет от великого английского романтика У. Вордсворта. Он полагал, что нравственная целостность человека в условиях все более усложняющегося мира еще сохраняется как раз у простых людей, близких, если не тождественных, природе; именно благодаря им возможно восхождение «к общей Правде» (по: [Gill 1998: 148]). Не случайно, например, в романе Элиот противопоставляется нравственно целостный, духовно монолитный сельский столяр Адам Бид и помещик Артур Доннинтхорн, показанный в ситуации раздвоенности, внутреннего борения между нравственным сознанием и природными (в т. ч. половыми) влечениями. Трудно не обратить внимание на говорящее имя титульного героя романа Элиот – Адам: первочеловек был целостен (во всяком случае, до «яблока» Евы); любопытно, что целостный Адам в романе Элиот, как и Адам в великой поэме Дж. Милтона «Потерянный рай» (*Paradise Lost*, 1667), терзается (испытывается) любовью к «согрешившей» женщине, в случае с героем Элиот – к Гетти Сорель, детоубийце поневоле.

Оба – и Тургенев, и Элиот – делают акцент на том, что природная нравственная целостность людей из народа проистекает в значительной степени от их погружения в труд как способ

облагораживающего слияния с природой и ее естественным протеканием во времени и пространстве. Чтобы понять, почему это так важно для Элиот, надо вспомнить, что в викторианской Англии в целом воспринимали труд как религию, видели в работе «витальную энергию жизни» («vital energies of life»), как пишет один из лучших исследователей викторианских ценностей У. Хоутон [Houghton 1985: 253]. У. Аллен пишет о романе «Адам Бид»: «Именно в этом контексте сообщества тружеников Джордж Элиот драматизирует нравственные проблемы своих характеров» [Allen 1964: 93 – 94].

У Элиот акцент на природной нравственности людей из народа, пожалуй, более на поверхности повествования, поскольку, в отличие от Тургенева, ее рассказчик, из перспективы которого организовано повествование, социально не определен в той степени, в какой это сделано у Тургенева: в «Записках охотника» повествование ведет не просто охотник, но барин и Петр Петрович. В начале романа «Адам Бид» появляется некий «путешественник» (*a traveller*), впервые попавший в деревню Хейслоуп, где происходит действие романа, и затем как будто бы «исчезающий», хотя мы по-прежнему именно его глазами смотрим на происходящее. Мы в любом случае понимаем, что это человек «со стороны», а потому его взгляд, скорее, общечеловеческий, социально не ангажированный. С точки зрения общечеловеческих, природоу установленных нравственных границ, принципиально важно, что роман Элиот начинается со сцены в столярной мастерской («Музыка инструментов...») («The concert of the tools...») [Eliot 1911: 3] и заканчивается едва ли не подобным же образом, во всяком случае, кульминационная часть сюжета завершается, когда Адам и Артур примиряются после высылки Гетти из страны. Адам говорит: «Все, о чем я должен думать сейчас, – делать хорошо свое дело» («It's all I've got to think of now – to do my work well») [ibid.: 672]). А в эпилоге мы видим, что спустя девять лет с начала событий Адам не только счастливый отец и муж, но и успешный столяр и плотник, выкупивший у своего бывшего хозяина мастерскую.

Да и «Записки охотника», как мы все знаем, начинаются с рассказа «Хорь и Калиныч» (1847), где идея «естественной нравственности» и «нравственная красота» (определения Р. М. Данилевского (см.: [Данилевский 2012: 6]) двух весьма разных, казалось бы, но чрезвычайно близких, до степени взаимного дополнения, мужиков, становится центральной. Примечательны следующие слова рассказчика: «Легкий порыв ветерка разбудил меня... Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полуоткры-

той двери и ножом вырезал ложку. Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо» [Тургенев 1968: 9]. Совершенно очевидно перекличка Элиот и Тургенева в поэтизации портрета трудящегося человека: тот самый концерт инструментов, о котором пишет английская писательница, и любование исполнителями этой музыки.

Не будем распространяться о некоторой повторяемости таких образов, как Калиныч, – с намеками на чудачество, юродивость, некую приближенность к «Иисусовому облику», тем более что на эту тему есть любопытная статья уже упоминавшегося здесь В. М. Головки (см.: [Головки 1994]).

«Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же – к людям, к обществу...» [Тургенев 1968: 13], – читаем мы у Тургенева, понимая, что оба они черпают нравственные силы из жизни здесь и сейчас. В. В. Давыдов прав, когда пишет о «Записках охотника» как о произведении, где «происходит встреча человека с чувством жизни» [Давыдов 2015: 20]. Полнота чувства жизни доминирует и в романе Элиот «Адам Бид» и становится триумфатором в конце романа, в его эпилоге; более того, романная форма открывает большие возможности для создания этого чувства: и в картинах труда столяров Адама и его брата Сета, и в сценах фермерского труда на хуторе Пойзеров, и в пейзажных зарисовках графства Лоамшир, где протекает основное действие романа. В значительно меньшей мере это очевидно, когда действие на короткое время, при рассказе о скитаниях беременной Гетти в поисках Артура и суда над нею, перемещается в соседнее графство Стоунишир. Это промышленное графство с обезличенными и однообразными шахтами и фабричными поселками. Нельзя не отметить неслучайность того, что почти пасторально-идиллическое графство Элиот наделяет именем от английского слова *loam* – плодородная земля, а лишенное душевной гармонии графство носит название, взятое от слова *stony* – каменный.

По мнению отечественных тургенеvedов (В. В. Давыдова, Г. Б. Курляндской, Д. В. Лебедева и др.), духовный опыт рассказчика «Записок охотника» (а именно он, как уже отмечалось, главный «сшивающий» в единое целое, казалось бы, разрозненные очерки герой; ровно так же объединяет картины жизни героев романа Элиот «взгляд со стороны» некоего *traveller*) по мере повествования становится опытом жизни в целом. Это своеобразное сентиментальное путешествие, обогащающее путешественника не столько внешними впечатлениями (хотя и они важны в силу новизны субъекта изображения – нового изображения сельской жизни), сколько внутрен-

ними переживаниями, причем не только своими, но и героев разного социального уровня, в том числе и крестьян. Когда В. Г. Белинский писал о том, что Тургенев зашел к народу с такой стороны, «с какой до него никто не заходил» [Белинский 1982: 400], он имел в виду прежде всего именно это обстоятельство: писатель заглянул в душу народную и обнаружил там глубину, какую раньше не особо замечали. То же самое можно сказать и о психологизме романа Дж. Элиот: писательница одной из первых в английской литературе заглянула в глубины внутреннего мира героев из крестьян и ремесленников, наделив их способностью переживать мощные нравственные потрясения и психологические драмы. Это особенно очевидно в терзаниях Адама, когда ведется следствие по делу Гетти, обвиненной в убийстве своего новорожденного ребенка, и накануне, и сразу после суда над ней, приговоренной к повешению (главы XLI – XLIII). «В час дня на завтра Адам был один в унылой верхней комнате; его часы лежали на столе перед ним, а он отсчитывал долгие минуты», – читаем у Элиот в начале главы XLII, в которой блестяще воспроизводится состояние Адама, ожидающего в снятой комнате города Стоунит решения суда по делу Гетти. Глава погружает нас в мощные терзания Адама, берущего на себя вину за то, что не смог уберечь Гетти от такого страшного поступка [Eliot 1911: 606]. «Этот храбрый и деятельный человек, который поспешил бы спасти Гетти от любой опасности или взял бы на себя любой тяжкий труд, лишь бы уберечь ее от любой ошибки или несчастья, чувствовал себя бессильным, когда пришлось столкнуться с непоправимым злом и неотвратимым страданием» [ibid.: 607]. Элиот подчеркивает, что эти глубокие, буквально сотрясающие душу Адама страдания, «вполне можно было бы назвать крещением, возрождением, инициацией в новое нравственное состояние» [ibid.]. Здесь еще раз напрашивается параллель с милтоновским Адамом в момент осознания им падения Евы, готовым разделить с ней удел изгнанника из Рая, потому что беззаветно любит ее и одновременно корит себя за то, что не был с нею рядом в момент искушения, чтобы спасти ее.

Очевидно, что терзания Адама – это не терзания джентри (т. е. мелкопоместного дворянина) Артура, воплощающие знаменитый кантовский антагонизм нравственного сознания и природного влечения (затем подхваченный и развитый З. Фрейдом). Особенно это проявляется в начале его отношений с Гетти, когда легкая увлеченность красивой фермерской девушкой вроде бы ни к чему не обязывает и веселит кровь. Однако уже на этом этапе его интрижка с Гетти вызыва-

ет у него самого внутренние сомнения, хорошо ли это и как далеко можно зайти в этих отношениях. Отметим, что Дж. Элиот по хорошей английской традиции использует здесь несобственно-прямую речь, которая позволяет ей сочетать глубину психолого-аналитического погружения и ироническую отстраненность от героя [Eliot 1911: 193]. Правда, после того как Гетти родила и в полубессознательном состоянии, сама не ведая, что делает, оставила ребенка умирать в лесу, слегка прикрыв его щепками и кусочками торфа, за что впоследствии была приговорена к смерти, а Артур узнал обо всех злоключениях соблазненной им девушки только когда вернулся в Англию из Ирландии, где находился со своим полком, его переживания приобретают драматико-трагический оттенок, поскольку он человек не дурной, совестливый, понимающий, что своей бездумностью и неумением обуздать плоть он привёл ситуацию к трагическому финалу (см. финал главы XLIV). Здесь вновь «работает» знаменитая идея Элиот о роли последствий поступков в жизни человека и о сети (web), которая неизбежно опутывает человека по ходу его жизни, когда способность выстоять в этой ситуации – одна из главных нравственных скреп человека как самостоятельной личности. Как не вспомнить здесь наблюдения Г. Б. Курляндской о том, что «пессимистические суждения о мире как бессознательно движущейся материи были сквозными в творчестве Тургенева» [Курляндская 2004: 11].

Терзания же Адама – это терзания человека, который видит свою вину в том, что не уберег Гетти от преступления, что не спас ее; это терзания, наполненные мощным, из глубины души идущим состраданием к человеку, за которого он несет ответственность как за самого себя, потому что им движет любовь, т. е. это терзания высшего нравственного порядка. Любовь – еще один немаловажный «измеритель» этико-нравственного пространства произведения Дж. Элиот, да и Тургенева тоже, если вспомнить его мощно испытываемых любовью героев – Чертопханова («Чертопханов и Недопюскин», «Конец Чертопханова»), Радилова («Мой сосед Радилов»), Каратаева («Петр Петрович Каратаев»).

Тот факт, что оба писателя в конечном счете выходят на общечеловеческое, вечное, на *Жизнь* с большой буквы, что оба восхищаются жизненной силой человека (в особенности – простого человека) и видят в этом источник морально-нравственной силы и стойкости, чрезвычайно важен, поскольку оба обращались к переходным периодам в истории своих стран, когда в России и Англии, как бы далеко они ни стояли друг от друга в экономическом и политическом отноше-

нии, вызревал и утверждался новый миропорядок, складывались новые, противоположные патерналистской и патриархальной, парадигмы. Этим объясняется глубина обеих книг, в особенности – тургеневской, в которой за внешней простотой не сразу можно разглядеть этико-философскую глубину; все же подчеркнем еще раз: книга Элиот более обытовлена, более сосредоточена на прагматике человеческого поведения, как и «положено» английской, замешанной на пуританстве, системе социально-этических измерений, что ни в коем случае не умаляет достоинства всего произведения, а в особенности – целого ряда блестящих примеров глубокого психолого-аналитического характера. Прежде всего имеются в виду страницы, рассказывающие о мучительных скитаниях (как в прямом, так и переносном смысле) беременной Гетти, потерявшей себя и никак не могущей найти внутреннюю опору, будучи лишенной поддержки внешней (в лице Артура или Адама; первый далеко и иного социального положения, второй – не допускаем Гетти в ее внутренний мир, хотя и объявлен с ее согласия ее женихом). Несмотря на это, пафос и образа Гетти, и образов Адама и Артура перекликается с тургеневским пафосом, о котором пишут Е. М. Коньшев и В. В. Давыдов, отмечая внимание Тургенева к таким характерам и ситуациям, «когда в человеке проявляется его естественное, природное начало» [Коньшев 2013: 205], причем независимо от социального положения.

Иначе говоря, необходимо видеть мастерство И. С. Тургенева не только в воссоздании крестьянских или помещичьих типов, о чем много рассуждали в предыдущие времена, а мастерство в создании чувства живой, не стоящей на месте Жизни. При этом, и тут трудно не согласиться с Е. М. Коньшевым: писателю скорее интересны «понятия иного, более высокого порядка, такие как жизнь, смерть, любовь» [там же], чем социальная структура провинциального общества. Но ведь и Джордж Элиот финальным торжеством любви, семейного счастья, человеческой доброты и сострадания выходит за рамки обыденной прагматики жизни, а криминальная история детоубийцы превращается в трагическую историю заблуждений и внутренних борений человека, включенного в некую большую жизнь, в которой не так легко найти свое место и свою траекторию (или, по крайней мере, не сбиться с той, что жизнь тебе определила). Об всем этом свидетельствует и то, что Дж. Элиот рисует английскую деревню, как уже говорилось, единым цельным организмом, а потому конфликт между Адамом и Артуром носит не социальный характер (хотя один – сквайр, а другой – всего лишь столяр), а общечеловеческий, нравственный:

Адам обвиняет Артура в том, что, соблазнив Гетти, тот воспользовался не социальным преимуществом (хотя, безусловно, простушке Гетти льстило, что ею увлекся сквайр), а незрелостью и наивностью девушки, что во много крат безнравственнее. И примиряется Адам с Артуром только тогда, когда понимает, насколько основательно нравственно «вычистила» Артура трагедия Гетти, виновником которой он стал.

В связи с этим уместно вспомнить размышления Г. Н. Поспелова о том, что в «Записках охотника» противостояние крестьян и барина «основано не на конфликтах между крепостными и помещиками, а на глубоких различиях их нравственных свойств» [Поспелов 1972: 285], равно как и рассуждения Р. Ю. Данилевского о доминировании в рассказах цикла открытости и честности отношений между людьми [Данилевский 2012: 9]. И здесь тоже очевидна явная переключка между Элиот и Тургеневым – в противопоставлении социальным связям естественных; достаточно обратиться к рассказам «Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Смерть» из книги Тургенева, а также вспомнить всегдашнее, идущее из детства восхищение и любовь Артура к Адаму, восприятие им Адама как идеала мужского отношения к миру, самому себе и людям: Артур рос у деда, без матери и отца, а потому тянулся в детстве и подростковом к Адаму – сильному и целостному человеку. Нежелание потерять доверие и уважение Адама добавляет немало горечи терзаниям Артура, когда он узнает, что его кумир давно и беззаветно любит Гетти и что его связь с девушкой причиняет страдания столь уважаемому им человеку. Ситуации с Гетти, Артуром, Адамом – это как раз то, что крупнейший знаток литературы XIX в., по сути, заново открывший творчество Дж. Элиот английскому читателю XX в., Д. Сесил, называл «самым отличительным триумфом» писательницы – воспроизведение «поля нравственной битвы» («the moral battle field») [Cecil 1964: 236].

Обратим внимание на то, как идея *community* (общины, общинности) в романе Элиот переключается с тургеневской поэтизацией естественного влечения людей к содружеству, взаимопомощи, союзу (преодоление сословности). Оно очевидно во взаимоотношениях рассказчика-охотника, дворянина-помещика, с другими: крестьянами – Ермолаем, его проводником, Лукерьей («Живые мощи»), Филофеем из рассказа «Стучит», в его, барина, попадании под обаяние мощных голосов из рассказа «Певцы» и т. д. М. О. Гершензон, один из лучших отечественных тургеноведов, видел единство «Записок охотника» в природной, от жизни идущей гармонии всех и всего наличествующего в Природе. Он писал: «Запис-

ки охотника» – словно прекрасный зоологический сад: какие очаровательные звери, каждый в другом роде, но все – особенные, занятные, самобытные личные – Хорь, Калиныч, бурмистр Софрон, Бирюк, Чертопханов, Радилов, и сколько, сколько еще! ... Это все – одно; вот Степушка, а вот ночная птица пугливо нырнула в сторону; вот Дикий Барин, а вот огромная лиловая туча медленно поднимается из-за леса. Всюду разнообразие форм, но одинаковое бытие, во всех и один общий закон» [цит. по: Давыдов 2015: 23]. Человек и природа суть одна стихия, и это так, если вспомнить «Бежин луг», «Живые мощи», «Лес и степь». Конгруэнтность Человека и Природы – база всех идейно-нравственных построений в «Записках охотника»; она же определяет поэтологические способы воплощения этой конгруэнтности: образ рассказчика, поэтизация, лиризация, романтическая рефлексия (по Г. Н. Поспелову), когда рассказчик «доискивается до сути виденного и слышанного» [Поспелов 1972: 284], возрастающая обобщенность авторского голоса, в том числе и на уровне философизации повествования, что выливается в мощный аккорд в финальном очерке «Лес и степь».

Естественная связь между людьми и между людьми и природой поэтизируется (и даже романтизируется) у обоих писателей, особенно у Тургенева: достаточно обратиться к таким разным по пафосу рассказам цикла, как «Лес и степь» и «Свидание». Кстати оба писателя весьма внимательны и точны в воспроизведении смены времен года и изменений природы в связи с этим. У Тургенева это «запрограммировано» образом рассказчика, охотника, и тенденцией показать особенности национальной охоты в разные времена года (за исключением зимы). У Элиот это объясняется сосредоточенностью на картинах сельского, фермерского, или помещичьего, быта с его размеренной подчиненностью смене времен года. Не случайно кульминационной картиной, венчающей изображение упорядоченности сельской жизни, становится глава LIII, рассказывающая о торжественном обеде по поводу окончания сбора урожая на ферме Пойзеров, на котором собрались едва ли не все жители деревни Хейслоуп. Здесь возникает замечательный собирательный образ фермеров, арендаторов, батраков, ставящий искусство Элиот в особый ряд художников, живописующих сельских жителей без ретуши и комикования предшествующих литературных эпох. Именно эту традицию социозтнографического заострения подхватит, например, чуть позже Т. Гарди в романах «Под деревом зеленым» (*Under the Greenwood Tree*, 1872), «Возвращение на Родину» (*The Return of the Native*, 1878) и некоторых других.

Природа у обоих писателей не подается абстрактно, вне времени, а наполняется конкретно-социальным смыслом. Дж. Элиот, например, указывает точное время начала действия романа – 18 июня 1799 г., скрупулезно отмечает временные (из-за нагнетания трагического по мере повествования нарочито «привязанные» к временам года) отрезки протекания его событий (пик, трагическая развязка происходит зимою); финал романа столь же точно датирован – конец июня 1807 г. Отметим, что Элиот рисует английскую деревню в ее состоянии до второй волны индустриализации, начавшейся после наполеоновских войн. Для нее (вслед за Вордсвортом) это едва ли не самый благостный и гармоничный период существования английской деревни, которая войдет в полосу кризиса в 1820-е гг., закончившегося исчезновением класса крестьян практически уже к 1860-м гг. Этот процесс особенно ярко в английской литературе покажет Т. Гарди в романах уже упоминавшегося цикла «Характера и среды» («Уэссекского цикла»), одной из вершин которого является «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (*Tess of the d'Urbervilles*, 1891).

Тургенев же, чаще всего любясь русской природой, сопрягает ее красоты с душевной красотой русского крестьянина, как, например, в случае с образами детей из «Бежина луга», Калиныча из «Хоря и Калиныча», Касьяна из рассказа «Касьян с Красивой Мечи»: «Да и что! много, что ли дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, – подхватил он, возвысив голос, – и полегчит, право. И солнышко на тебя светит, и богу-то видней и поется-то ладнее. Тут смотришь, трава какая растет; ну заметишь – сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну и напьешься – заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этакie степные места, вот удивление, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот божия-то благодать!» [Тургенев 1968: 118].

Но нередко пейзажная зарисовка усугубляет ощущение кризиса, в котором находится русская деревня в условиях крепостничества, в том числе контрастируя с внутренней красотой и талантом народа, вынужденного жить в подобных отнюдь не соответствующих его величию обстоятельствах. В этом отношении примечательно начало рассказа «Певцы», одного из самых потрясающих гимнов таланту русского мужика в отечественной литературе. Деревня, где происходит состязание деревенских певцов, наделена весьма говорящим названием – Колотовка; она рисуется лежащей «на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьётся, разрытый и размытый, по самой середине улицы», где лишь «несколько то-

щих ракич боязливо спускаются по песчаным бокам» этого оврага. «Невеселый вид, нечего сказать», – заключает рассказчик [там же: 210]. Но не случайно пораженный великолепным пением Яшки-Турка рассказчик, спускаясь с этого «голового холма», уже не замечает его убогости, более того, он уже видит «у подошвы этого холма» расстилающуюся широкую равнину: «затопленная мглистыми волнами вечернего тумана, она казалась еще необъятней и как будто сливалась с потемневшим небом» [там же: 227]. Метафора вечности и безграничности таланта русского народа очевидна.

Иначе говоря, с одной стороны, социально-конкретное изображение состояния деревни и провинции, изменений в них, а с другой – тяготение к изображению надсоциального, природно-вечного и непреходящего (более определенно – у Тургенева). Не случайно начальным (и инициальным с точки зрения главных идей цикла) рассказом / очерком у Тургенева становится «Хорь и Калиныч», где обе эти тенденции очевидны и повествовательно переплетены, а в романе Элиот заглавный герой носит имя «Адам», несущее общемировое значение, обозначающее человека вообще. Столь же говорящая его фамилия – Бид, в оригинале *Bede*; Беда Досточтимый (*Bede the Venerable*) – известный в Англии святой, один из основоположников английской истории, создавший первую книгу об англах, почитаемый как непререкаемый авторитет в вопросах веры, нравственности и морали. Главная же героиня-страдальца в романе Элиот носит имя Гетти, Гестер, или Эстер, Эсфирь, тоже несущее библейское (и даже добиблейское) значение света, звезды. Правда, здесь не обошлось без традиционной элиотовской иронии, в данном случае траги-иронии: Гетти, она же Эстер («путеводная звезда»), оказывается преступницей, хотя и во многом поневоле, и погибает, как мы узнаем, после нескольких лет каторги где-то в заморской колонии.

Отметим, что в романе Элиот действительно присутствует религиозный аспект, но весьма любопытный: оба главных носителя религиозности – англиканский священник, окормляющий духовно Хейслоуп и близлежащие поселения, Адольфус Ирвин, равно как и Дина Моррис, методистка-проповедница в начале романа, а в его эпилоге счастливая жена Адама Бида и мать его детей, менее всего чисто религиозны в своих речах и помыслах, они скорее акцентируют общегуманистические ценности и святость (чистоту), так сказать, мирской жизни. Это очевидно, когда Дина Моррис проповедует в начале романа на общинном лугу деревни, а в конце романа духовно помогает Гетти выйти из греховного со-

стояния преступницы перед Богом и людьми, покаяться, чтобы облегчить свою душу перед казнью (замененной в последний момент ссылкой в заморские края). Дина, совершенно в соответствии с идеологией методизма, проповедовала братство и взаимопомощь людей как проявление не только божественного разума, но и изначальной человеческой сути [см. главы II и XLV]. То же происходит и в случае с Ирвином, например, почувствовавшим, как и должно чуткому духовнику, что в душе Артура идет некая борьба, когда тот неожиданно появился в его доме ранним утром. Артур ехал к Ирвину с намерением исповедоваться в том, что флиртует с Гетти, понимая, насколько это нравственно плохо, но в последний момент струсил признаться священнику в своей интрижке, Ирвин как раз в этот момент заговорил о неизбежности столкновения человека с последствиями своих поступков, особенно – несправедливых [Eliot 1911: 242–245]. Оба – и Дина Моррис, и Адольфус Ирвин – «измеряют» людей и жизнь более общечеловеческими, нежели религиозными мерками. Именно таковые торжествуют в романе Элиот, как торжествуют они и у Тургенева, в том числе и в рассказах, которые, казалось бы, должны нести в себе совершенно ясный религиозный пафос – «Смерть» и «Живые мощи». Примечательно, что в тургеневском цикле не находится даже равного образам Дины и Ирвина места священникам, если не считать явно иронично поданного священника в самом духовном рассказе «Записок охотника» «Живые мощи». Об этом, как и обо всем рассказе, одном из самых концептуальных в «Записках охотника», интересно рассуждает Г. М. Ребель, и центральной в суждениях исследователя становится идея о том, что в этом рассказе (а мы можем экстраполировать эту мысль на весь цикл) «тема национального единства поверх социальных различий расширяется до темы единства барина и крестьянки во человечестве...» [Ребель 2008: 281; выделено мною. – Б. П.].

Равенство людей перед лицом суровых испытаний Жизнью и Природой, их духовная и нравственная стойкость, не ожесточение, не оскудение, а обогащение внутреннего мира за счет таких испытаний – вот что утверждают оба писателя, вот к чему они призывают читателя, весьма активно с ним «работая», напрямую к нему, читателю, обращаясь и приобщая к вечным ценностям и нравственным высотам.

Примечание

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на Всероссийской научной конференции «Тургенев и либеральная идея в России», состоявшейся 19–21 апреля 2018 г. в Пермском госу-

дарственном гуманитарно-педагогическом университете и посвященной 200-летию И. С. Тургенева.

Список литературы

Алексеев М. П. Мировое значение «Записок охотника» // Творчество И. С. Тургенева: сб. ст. / под ред. С. М. Петрова. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1959. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/tvorchestvo-turgeneva-sbornik/index.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. С. 337–414.

Боборыкин П. Д. Столицы мира (Тридцать лет воспоминаний). М.: Сфинкс, 1911. 516 с.

Головкин В. М. Черты национального архетипа в мифологеме Христа произведений И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. С. 231–248.

Головкин В. М. Художественно-философская интерпретация свободы и необходимости И. С. Тургенева в парадигматическом контексте аксиологического онтологизма // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 40–48.

Давыдов В. В. Жизнь как ценность: личность и витальное начало в «Записках охотника» И. С. Тургенева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2015. № 2(26). С. 20–25.

Данилевский Р. Ю. Об одной особенности нравственной идеи «Записок охотника» // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 4–12.

Ковалевская С. В. Воспоминания о Джордж Элиот // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986. С. 311–331.

Коньшев Е. М. Тема народа в «Записках охотника» Тургенева: ее философские и литературные основы // Вестник Брянского университета. 2013. № 2. С. 204–210.

Кузнецкая Г. Б. Всемирная гармония в творчестве Тургенева // Спасский вестник. 2004. № 11. С. 10–18.

Лебедев Ю. В. Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1990. 608 с.

Недзвецкий В. А. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. Курс лекций для магистрантов. М.: Изд-во МГУ, 2011. 208 с.

Поспелов Г. Н. История русской литературы XIX века (1840–1860 гг.). М.: Высш. шк., 1972. 472 с.

Ребель Г. М. Голос из темноты. Рассказ И. С. Тургенева «Живые мощи» // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 265–281.

Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и подгот. текстов С. М. Петров и Г. М. Фридлянд. Изд. 2-е. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. 557 с.

Тургенев И. С. Записки охотника // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1968. Т. 1. С. 3–362.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. X, 1872–1874. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 542 с.

Феклин М. Б. Тургенев в Англии: первые полвека. Оксфорд; Нижний Новгород: Perspective Publications, 2005. 240 с.

Allen W. George Eliot. New York; London: The Macmillan Company, 1964. 192 p.

Browning O. Life and Writings of George Eliot. London and Felling-on-Tyne: The Walter Scott Publishing Co., LTD, 1890. 174 p.; i-xiv.

Cecil D. George Eliot // Cecil D. Early Victorian Novelists. Essays in revaluation. London and Glasgow: Collins. The Fontana Library, 1964. P. 215–250.

Cross J. W. George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals. New York: Harper and Brothers, Franklin Aquare, 1885. Vol. 3. 443 p.

Dolin T. Authors in Context. George Eliot. Oxford: Oxford University Press, 2005. 284 p.

Eliot G. Adam Bede. London and New York: John Lane, 1911. 768 p.

Eliot G. The Natural History of German Life // Eliot G. Selected Critical Writings / edited and with Introduction and Notes by Rosemary Ashton. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 260–295.

Gill St. Wordsworth and the Victorians. Oxford: Clarendon Press, 1998. 346 p.

Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830–1870. New Haven and London: Yale University Press, 1985. 467 p.

Newlin T. The Thermodynamis of Desire in Turgenev's *Notes of a Hunter* // The Russian Review. 2013. July. Vol. 72. Issue 3. P. 365–389.

Paris B. George Eliot's Religion of Humanity // George Eliot: A Collection of Critical Essays / ed. by George R. Creeger. New Jersey: Prentice Hall Inc; Englewood Cliffs, 1970. P. 11–36.

Proskurnin B. The Reception of George Eliot in Russia: The Start that Determined the Paradigm // The Reception of George Eliot in Europe / ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. L.: Bloomsbury Academic, 2016. P. 261–274.

Williamson A. Against Egology: Ethics and Style in George Eliot and Emmanuel Levinas // The George Eliot Review. Journal of the George Eliot Fellowship. 2017. No. 48. P. 33–47.

References

Alekseev M. P. Mirovoe znachenie «Zapisok Okhotnika» [World significance of "Notes of a Hunter"]. *Tvorchestvo I. S. Turgeneva. Sbornik sta-*

tey [Turgenev's works. Collection of essays]. Ed. by S. M. Petrov. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva Prosvetsheniya RSFSR, 1959. <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/tvorchestvo-turgeneva-sbornik/index.htm> (accessed 17.03.2018) (In Russ.)

Belinsky V. G. Vzgl'yad na russkuyu literaturu 1847 goda [A view on Russian literature of 1847]. Belinsky V. G. *Sobr. soch. v 9 t.* [Collected works in 9 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 8, pp. 337–414. (In Russ.)

Boborykin P. D. *Stolitsy mira (Tridtsat' let vospominaniy)* [Capitals of the world (Thirty years of remembering)]. Moscow, Sfinks Publ., 1911. 516 p. (In Russ.)

Golovko V. M. Cherty natsional'nogo arkhetaipa v mifologeme Khrista proizvedeniy I. S. Turgeneva [Characteristics of the national archetype of the Christ mythologeme in Ivan Turgenev's literary works]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1994, vol. 3, pp. 231–248. (In Russ.)

Golovko V. M. Khudozhestvenno-filosofskaya interpretatsiya svobody i neobkhodimosti I. S. Turgeneva v paradigmaticheskom kontekste akseologicheskogo ontologizma [Ivan S. Turgenev's artistic and philosophical interpretation of freedom and necessity in the paradigmatic context of the 20th century axiological ontologism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, vol. 4, pp. 40–48. (In Russ.)

Davydov V. V. Zhiz'n kak tsennost': lichnost' i vital'noe nachalo v "Zapiskakh okhotnika" I. S. Turgeneva [Life as a value: personality and vital grounds in I. S. Turgenev's 'A Sportsman's Sketches']. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki* [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities], 2015, issue 2(26), pp. 20–25. (In Russ.)

Danilevskiy R. Yu. Ob odnoy osobennosti npravstvennoy idei «Zapisok Okhotnika» [On one peculiarity of the moral idea of "Notes of a Hunter"]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2012, issue 20, pp. 4–12. (In Russ.)

Kovalevskaya S. V. Vospominaniya o Dzhordzh Eliot [Remembering George Eliot]. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memoirs. Stories]. Moscow, Pravda Publ., 1986, pp. 311–331. (In Russ.)

Konyshev E. M. Tema naroda v «Zapiskakh okhotnika» Turgeneva: ee filosofskie i literaturnye osnovy [Theme of the folk in "Notes of a Hunter" by Turgenev]. *Vestnik Bryanskogo Universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2013, issue 2, pp. 204–210. (In Russ.)

Kurlyandskaya G. B. Vsemirnaya garmoniya v tvorchestve Turgeneva [World harmony in Turgenev's works]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2004, issue 11, pp. 10–18. (In Russ.)

Lebedev Yu. V. *Turgenev* [Turgenev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 608 p. (In Russ.)

Nedzvetskiy V. A. *Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroya. Kurs lektsiy dlya magistrantov* [Turgenev: the logic of creative work and mentality of a hero. The course of lectures for Master's students]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)

Pospelov G. N. *Istoriya russkoy literatury 19 veka* [The History of the Russian literature of the 19th century]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 472 p. (In Russ.)

Rebel G. M. Golos iz temnoty. Rasskaz I. S. Turgeneva «Zhivye moshchi» [The voice from the darkness. I. S. Turgenev's story "A living relic"], *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 2008, issue 6, pp. 265–281. (In Russ.)

Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov. V 2 t. [Turgenev in memoirs of contemporaries. In 2 vols.]. Second Edition. Comp. by S. M. Petrov, G. M. Fridlyand. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. 2. 557 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Zapiski okhotnika* [Notes of a Hunter]. Turgenev I. S. *Sobr. soch. v 6 t.* [Collected works in 6 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1968, vol. 1, pp. 3–362. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem. Pis'ma*. [Complete collection of works and letters. Letters]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965, vol. 10 (1872–1874). 542 p. (In Russ.)

Feklin M. B. *Turgenev v Anglii: pervye polveka* [Turgenev in England: the first half of the century]. Oxford, Nizniy Novgorod, Perspective Publications, 2005. 240 p. (In Russ.)

Allen W. *George Eliot*. New York, London, The Macmillan Company, 1964. 192 p. (In Eng.)

Browning O. *Life and Writings of George Eliot*. London and Felling-on-Tyne, The Walter Scott Publishing Co., LTD, 1890. 174 p.; i-xiv. (In Eng.)

Cecil D. George Eliot. Cecil D. *Early Victorian Novelists. Essays in revaluation*. London and Glasgow, Collins. The Fontana Library, 1964, pp. 215–250. (In Eng.)

Cross J. W. *George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals*. New York, Harper and Brothers, Franklin Square, 1885, vol. 3. 443 p. (In Eng.)

Dolin T. *Authors in Context. George Eliot*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 284 p. (In Eng.)

Eliot G. *Adam Bede*. London and New York, John Lane, 1911. 768 p. (In Eng.)

Eliot G. The Natural History of German Life. Eliot G. *Selected Critical Writings*. Ed. and with Introduction and notes by Rosemary Ashton. Oxford, Oxford University Press, 1999, pp. 260–295. (In Eng.)

Gill St. *Wordsworth and the Victorians*. Oxford, Clarendon Press, 1998. 346 p. (In Eng.)

Houghton W. E. *The Victorian Frame of Mind, 1830–1870*. New Haven and London, Yale University Press, 1985. 467 p. (In Eng.)

Newlin T. The Thermodynamics of Desire in Turgenev's Notes of a Hunter. *The Russian Review*, 2013, July, vol. 72, issue 3, pp. 365–389. (In Eng.)

Paris B. George Eliot's Religion of Humanity. *George Eliot: A Collection of Critical Essays*. Ed. by George R. Creeger. New Jersey, Prentice Hall Inc, Englewood Cliffs, 1970, pp. 11–36. (In Eng.)

Proskurnin B. The Reception of George Eliot In Russia: The Start that Determined the Paradigm. *The Reception of George Eliot in Europe*. Ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. London, Bloomsbury Academic, 2016, pp. 261–274. (In Eng.)

Williamson A. Against Egology: Ethics and Style in George Eliot and Emmanuel Levinas. *The George Eliot Review. Journal of the George Eliot Fellowship*, 2017, issue 48, pp. 33–47. (In Eng.)

**“ADAM BEDE” BY GEORGE ELIOT
AND “NOTES OF A HUNTER” BY IVAN TURGENEV:
IDEOLOGICAL AND ARTISTIC CONVERGENCES**

Boris M. Proskurnin

**Professor, Head of the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Submitted 16.05.2018

The essay deals with ideological and aesthetic typological convergences and congruencies in the works of the two great European writers of the second half of the 19th century. It is shown that democratic thinking, synthesis of liberalism and humanism, which is a peculiar feature of both Turgenev and Eliot, are very much reflected in the system of concepts of the two works under analysis; both Eliot's and Turgenev's works are famous in the literary histories of their countries due to the masterful and original introduction into literature of a new type of a literary hero – the one from peasantry. It is stressed in the essay that the grounds for typological generalizations of these two works are the writers' realistic and analytical approach to the artistic ways of depicting a human being's fate under swiftly changing social, cultural and moral circumstances. The essay shows that Turgenev and Eliot depict province as socio-cultural wholeness. One of the main ideas of the essay is to show that both writers appeal to a human being who is an autonomous creature in terms of social, moral and spiritual existence, who thinks of himself as a unique and independent being and thus draws a border between himself and the world around and tries to establish his social independence and self-sufficiency. It is the reason why George Eliot and Ivan Turgenev set so many hopes on a human being's high level of morality, his conscientious behavior in the situation of free choice, the concentration of which is higher, the more democratic and less patriarchal and paternalistic the contemporary world becomes. The author of the essay analyses what is called moral and ethical spaces of the writers' works, where liberal and humanistic inclinations of Turgenev and Eliot are a sort of keystones; this fact determines ideological and artistic convergences of the writers even if we take into account their national, social, cultural and gender differences. It is shown in the essay that the parameters of these spaces are checked first of all by the images of the heroes taken from the humble people, who are, by both writers' confidences, morally and ethically pure and solid because of their closeness to Nature. The author of the article shows how much important for Eliot and Turgenev as moral realists are pictures of the countryside landscapes, very much anthropological in the ways of their existence in the plots of the works, and, what is more, these pictures are philosophically and ethically sharpened by the authors, which once again makes them so close to one another. It is proved in the essay that romantic features in the images of the authors' protagonists is a serious ground to think of these writers in terms of poetical convergences. It is also demonstrated that the comparative method of studying *Adam Bede* and *Notes of a Hunter* gives a good chance to reveal some points more vividly should we look at these works separately.

Key words: Turgenev; George Eliot; England; Russia; novel; series of short stories; peasantry in literature; comparative literature studies; literary hero.